

“Хованщина” как зеркало

Большой открыл сезон

Открытие сезона в Большом театре давно уже (примерно с конца 80-х) перестало восприниматься как праздник. За последние 5 – 10 лет оно лишь два раза становилось заметным событием. В сентябре 2000 года в этот вечер состоялась инаугурация Гвеннадия Рождественского, с очередным пришествием которого связывались большие надежды. Мазстро решил тогда открыть сезон самолично и, с ходу поломав уже сверстанный репертуар, поменял объявленного “Ивана Сусанина” на “Бориса Годунова”. Замена на первый взгляд не слишком принципиальная: что тот, что другой спектакли представляют собой реликты сталинской эпохи, оба имеют мало общего с живым искусством. Но в отличие от фальшиво-сусального “Сусанина” “Борис” по крайней мере, выглядит достойно. Прогрессивным шагом стал и отказ от реанимированной несколькими годами раньше официозной традиции открывать сезон непременно этим самым “Сусаниным”. В следующий раз открытие сезона стало событием в 2002 году благодаря беспрецедентному до тех пор в стенах Большого сочетанию: вопреки всем и всяческим традициям, сезон открыли не каким-либо годами проверенным монументом, но премьерой, да еще и западной оперы (“Турандот”), с участием западных постановщиков и исполнительницы заглавной партии.

На сей раз пойти с такого козыря не получилось. А потому сезон открыли “Хованщиной” в постановке 2002 года. Анонса не было, и зал зиял уймой свободных мест. Хотя пойти на спектакль, безусловно, стоило.

Главной “приманкой” стало участие Ларисы Дядьковой – пожалуй, лучшей на сегодня в мире Марфы. Уникальный голос, глубокий и звучный, подобно органу, знойный и чувственный, теплый, как парное молоко, и сочный, как спелая дыня, как будто создан специально для этой партии. Именно Дядькова была звездой номер один в “Хованщине”. Ростроповича – Покровского, поставленной на сцене Большого восемь лет назад. Чуть позднее Дядькова – Марфа покорила эти подмостки в гастрольном спектакле ее родного Мариинского театра под управлением Валерия Гергиева. И вот – явление третье. На сей раз Дядькова специально выучила новую для себя редакцию Римского-

Корсакова, где партия Марфы в ряде мест заметно отличается от редакции Шостаковича. В результате в ее исполнительском рисунке появились новые краски.

Равных Дядьковой в этом спектакле не было. Но были весьма достойные партнеры. Тарас Штонда, чей голос прекрасно подходит для Досифея (в отличие от Руслана) пел хорошо почти весь спектакль, и лишь в последней картине охрип, не

выдержав высокой тесситур. Почти до блеска отшлифовал с момента премьеры партию Ивана Хованского Валерий Ильманов, который в ней буквально купается. Все так же хороши Михаил Юбский (Юлицин) и Александр Архипов (Подьячий). На партию Шакловитого довольно удачно ввелся Сергей Мурзаев. Хорошую вокальную форму продемонстрировал также Виталий Тарасценко (Андрей Хованский). Сло-

вом, по части певцов это было действительно удачное открытие, что в равной мере относится и к хору под руководством своего нового шефа Валерия Борисова, запевшему гораздо ровнее.

Главной проблемой этой “Хованщины” остается дирижер. Александр Ведерников, несомненно, – культурный музыкант с идеями, которые ему иногда даже удается реализовать. Беда только в том,

что его музыкантский масштаб слишком скромен для такой машины, как “Хованщина”, и этого обстоятельства не могут отменить никакие благие намерения. Держать в постоянном напряжении зал, оркестр и сцену ему, как правило, не удается, а без этого выдержать четыре часа оперы Мусоргского становится для слушателя нелегким испытанием. Отдельные яркие и выразительные моменты не иску-

пают рыхлости целого и общей энергетической недостаточности. Ведерникову даже не всегда удается добиться элементарного совместного звучания оркестра и солистов, оркестра и хора. И если уж смогли заполучить Ларису Дядькову, чье участие подняло спектакль на какой-то новый уровень, то почему было не пригласить еще и соответствующего дирижера? И необязательно, чтобы это был непременно Валерий Гергиев, чье имя звучит в стенах Большого, как досифеево “Труба Предвечного”.

После премьеры эту “Хованщину” немало ругали в прессе, в том числе за режиссуру. Работа Юрия Александрова – талантливого и опытного мастера – в данном случае, и правда, выглядит полуфабрикатом. Наряду с удачными сценами и яркими деталями здесь много сырого, недоделанного, непроработанного. Но режиссер ли в том виноват? Постановка “Хованщины” с самого начала затевалась как авантюра. Едва придя к руководству, Ведерников во всеуслышание заявил, что, дескать, поскольку во всем мире постановки готовят максимум за месяц, то теперь и мы так будем. Но во всем мире люди приучены работать куда как собраннее и мобильнее, приходя на первую же репетицию полностью подготовленными. Чтобы в Большом приучить людей к такой работе, нужны время и немного другие деньги. И уж во всяком случае не с одной из самых трудных русских опер стоило бы начинать этот процесс. В Большом на “Хованщину”, да еще при трех-четыре-х составах исполнителей, нужно хотя бы несколько месяцев. Александрову в чрезмерно сжатые для здешних условий сроки удалось на самом деле не так уж мало. В сегодняшнем Большом его “Хованщина” оказалась одним из наиболее пристойных воплощений русской классики, что особенно наглядно в сравнении с соответствующими премьерными прошлого сезона. Парадоксально, но именно русская классика, которая всегда считалась самой сильной стороной Большого, оказалась ныне его ахиллесовой пятой. Спасибо, нашелся хоть один спектакль, которым не стыдно открыть сезон.

Дмитрий МОРОЗОВ
Фото Ларисы ПЕДЕНЧУК

Т.Штонда – Досифей, Л.Дядькова – Марфа в сцене из спектакля